

Эссад БЕЙ

Последний потомок Тамерлана

Глава из книги «Белая Россия. Люди без родины» (1932)

Перевод с итальянского и предисловие Михаила Талалая

Амальфитанский берег – один из самых чудесных уголков Италии, да и всей Европы, недавно признанный ЮНЕСКО культурным достоянием человечества. Среди гор и моря, под сенью цитрусовых рощ, тут как будто нет места для человеческих скорбей и печалей. На главных вратах Амальфи, в самом деле, написано стихотворное: «Когда амальфитанцы после кончины попадут в Рай, то они увидят там уже знакомые места».

Этот гостеприимный край в 1920–1940-е годы познал, однако, и драматические сюжеты, связанные с судьбами беженцев, потерявших свою первую родину и чаявших обрести новую. Среди них были не только выходцы из рухнувшей Российской империи. Немаловажную роль для иммигрантов играла тогда патриархальная дешевизна этих мест и относительно либеральный общественный климат, «под сенью» соседнего космополитичного и богемного Капри.

Если в 1920-х годах тут обосновалось немало россиян, то после прихода Гитлера к власти в Германии и аншлюса Австрии преобладающим элементом здесь стал немецкоязычный. Это был воистину странный феномен: в муссолиниевской Италии находили приют как немцы, идейные противники нацистского режима, так и преследуемые евреи. Для последних убежище, впрочем, оказалось ненадежным: в конце 1930-х гг. Муссолини сблизился с Гитлером, и в 1938 году в Италии были введены так называемые «расовые законы», – немецких и австрийских евреев вынудили бежать далее, а оставшихся позже депортировали в концлагеря.

На рубеже немецкого и русского миров пребывал Лев Абрамович Нуссинбаум (1905–1942), выходец из бакинской еврейской семьи, принявший в эмиграции, в Берлине (в молельне при турецком посольстве), мусульманство с именем Эссад Бей (или Эссад-бей)*. После прихода Гитлера к власти он перебрался в Австрию, продолжая сочинять по-немецки увлекательные романы, донныне публикуемые на разных языках. Особую известность приобрел роман «Али и Нино», вышедший в Вене под псевдонимом «Курбан Саид»: относительно авторства этой книги, впрочем, идут дискуссии.

Однако и в Вене стало небезопасно, и с 1938 года Нуссинбаум обосновался в Позитано, рыбацкой деревушке на Амальфитанском берегу.

В том же году Муссолини, вслед за Гитлером, ввел расовые законы: Эссад Бей вскоре попал под подозрение в еврействе, но сумел остаться в Позитано, заявив, что он – мусульманин-азербайджанец, и предъявив лояльную брошюру на итальянском «Магомет» (Флоренция, 1939), где говорилось и о духовной близости Пророка с Дуче.

* См. его биографию: Риис Т. Ориенталист. – М.: Ad Marginem, 2013, а также наш очерк: *Talalay M. Essad Bey, alias Lev Nussinbaum, «Nuscuno scrittore in fuga dai totalitarismi // Intellettuali, storici, economisti di fronte ai totalitarismi nell'Europa Centro-Orientale / A cura di A. Basciani. – Roma: Philos, 2005. P. 39–43.*

О прибытии Нуссинбаума на итальянский Юг немецкая писательница Элизабета Кастоньер рассказывала следующее: «Однажды откуда-то вынырнул русский турок по имени Эссад Бей, в сопровождении одной дряхлой дамы, говорившей исключительно по-русски и некогда бывшей, по уверению Эссад Бея, его няней*. В качестве документа он предъявлял посадочный билет “Norddeutschen Lloyd”, в глазах почтительных карабинеров являвшийся дипломатическим паспортом**».

Однако атмосфера на побережье стремительно менялась – прежде вежливые карабинеры все чаще и чаще останавливали иностранных жителей, явно следуя полученным свыше инструкциям. Многие решили ехать куда-то дальше, но, как пишет Кастоньер, «человеческие реликты, выброшенные в Позитано, были слишком бедны, чтобы оплатить вожденное трансатлантическое плавание, да и получить визы было невозможно. В результате праздновали, с дешевым вином и бутербродами с помидорами и рыбой, всяческие мелкие события – такие, как прибытие нового эмигранта и даже присылку из Вены фрака Эссад Бея***».

Когда же Нуссинбаума, как подозрительного иностранца, все-таки решили выселить с побережья, он воспользовался помощью знакомых медиков. Однако в его случае заболевание было настоящим, и в 1942 г. литератор скончался в результате болезни Рейно, приведшей к гангрене. В метриках местного муниципалитета после его кончины появилась запись: «американский гражданин арийской расы», – небывалый пример посмертной мистификации. На кладбище Позитано над могилой Нуссинбаума было водружено традиционное мусульманское надгробие с турбаном, породившее в среде местных жителей мнение, что покойный был арабом...

Под псевдонимом Эссад Бей вышло с десяток книг на немецком: биографии Ленина, Сталина, Николая II, аналитические эссе о Кавказе и его главном богатстве – нефти. Одна из книг, под названием «Белая Россия: люди без родины» (1932), состоит из очерков о Гражданской войне и о русской эмиграции. Мы выбрали из него один текст, который и публикуется ниже.

От редакции. Публикуемая глава представляет интерес не столько как историческое свидетельство, сколько как набор расхожих представлений о Саиде Мир Мухаммаде Алим-хане (1880–1944), последнем эмире Бухарского эмирата, правившем до захвата Бухары Красной армией 2 сентября 1920 года. Несмотря на то, что автор допускает ряд исторических неточностей (начиная с того, что правители династии Мангытов, к которой принадлежал Саид Алим-хан, не были тимуридами), – учитывая, что период жизни последнего бухарского эмира малоизвестен и почти не исследован, очерк Эссад Бея имеет определенное значение. Все примечания – ВС.

Пятьсот лет прошло с той поры, как над миром пронесся вихрь войск Тамерлана. Пятьсот лет на базарах и на площадях перед мечетями бродячие певцы воспевают подвиги хромого завоевателя. Его подвиги стали легендой. Но его империя быстро развеялась по ветру. <...> Лишь в Самарканде, его столице, до сих пор высятся знак славы <...> полководца. Это – известный Гур-Эмир, мавзолеем Тамерлана. В мире от Тамерлана осталось две вещи – его мавзолей и его династия.

Мавзолей, похожий на гигантский, но вместе с тем и грациозный лотос, великий государь стал возводить еще при жизни. Крутые лестницы ведут внутрь, где под бирюзовым куполом покоятся останки Тамерлана. Саму могилу закрывает монолит из малахита¹, самый большой в мире. Размером с бильярдный стол, он прибыл в Самарканд из Китая. <...>

* Алиса Шюльте, уроженка Латвии (1868 – ?), действительно была няней Нуссинбаума, эмигрировавшей вместе с ним из Баку в Европу; среди жителей Позитано ходили слухи, что она якобы являлась его матерью.

** *Castonier E. Stürmisch bis heiter. Memoiren einer Außenseiterin.* – München: Nymphenburger Verlag, 1964. S. 305.

*** Там же.

В самаркандском мавзолее воплотилась вся помпа, блеск и мощь основателя империи и могучей династии. Он стоит в самом центре города, напоминая о всех тимуридах – государях и деспотах Туркестана и Индии.

Рядом с Тамерланом погребен его благочестивый сын. Его жизнь текла спокойно и скромно, под тяжелой сенью отцовской славы. Скромна и его могила².

У маленьких окошек мавзолея вывешены тимуровы знамена: конские хвосты на флагштоке. В конских хвостах обитают добрые духи, и только перед этими хвостами преклонял свои колена, в часы интимной молитвы, Тамерлан. Ветер из пустыни ласкает знамена, и конские хвосты плавно раскачиваются над гробницей <...>.

Кроме прекрасной усыпальницы хромой воин оставил миру еще одну память – династию тимуридов <...>. Они основали в четырех сторонах света четыре царства и принялись отчаянно между собой ссориться. В итоге им пришлось сдать один край за другим могучим пришельцам, а в конце – и красавец Самарканд, колыбель родовой славы.

Тимуриды владели многими городами, не меньше было число их битв. Но никто из них не мог померяться славой с родоначальником: разница между полководцем и его детьми и внуками была слишком значительной. Его грандиозные завоевательные походы выродились в кастовую борьбу, и империя рассыпалась в прах.

Когда Европа, в лице великого «белого царя», постучалась в ворота Туркестана, у тимуридов был еще один край, громкое название которого мало соответствовало его скромному значению, – Бухарский эмират.

Бухара! Это имя звучало сладкой музыкой для поэтов, пророков и бродячих певцов. В Бухаре, у трона эмира, собирались мудрецы всего Востока. Сам эмир, восседая на чистом золоте, принимал дары из разных уголков мира и считал свой город его столицей. Однако эти времена ушли в глубокое прошлое. Над дворцом эмира и над его краем уже давно витала тень иностранного господства.

«Белый царь» подчинил себе Туркестан, и царские послы ежедневно твердили эмиру «мудрые» советы о необходимости слушаться России. Эмир меланхолично, но безоговорочно следовал этим советам – как ради дружбы с царем, так и ради дипломатической выгоды. В обмен на безоговорочное, пусть и меланхоличное следование царским желаниям эмир пользовался публичной поддержкой русской администрации. Например, он сохранил ряд привилегий – рубить головы подданным по собственной прихоти, строить особняки, влезать в долги и держать гарем.

В его дворце было сто залов, из них одна половина была убрана на европейский вкус, другая – на азиатский. В европейской половине он принимал послов и кредиторов. В азиатской он держал золотой трон³ и женщин. Имена женщин были известны лишь нескольким посвященным, заранее кастрированным. Для всех остальных они были пронумерованы таким образом: «седьмая приязнь эмира», «десятая приязнь эмира» и т.д. Шестнадцатая приязнь эмира была немкой, – Европа входила в Бухару и таким приятным образом, не только с солдатами царской армии.

Эмиру не были знакомы тяготы управленческой работы, и это стало для него фатальным. Когда звезда «белого царя» закатилась в русских степях, когда русские

советники, не попрощавшись, бесследно исчезли и когда в Бухаре закончилась мода на русские ордена, у эмира на вооружении остались лишь приемы эпохи его пращура Тимура, в XX веке малопригодные даже для Туркестана.

Первые месяцы революции, впрочем, не причинили особых волнений. Русские войска и советники исчезли, и посему во многие районы эмирата ворвались хищные соседи. Однако в начале соседский бандитизм удалось сдержать старым методом: эмир без долгих слов пережил агрессоров с принцессами из своего гарема и назвал их принцами. Опершись на эту новую аристократию, он думал безмятежно продолжать жизнь в своем дворце, теперь преимущественно на азиатской половине.

Но завистливые соседи оказались не единственной угрозой для эмира. В желтых пустынях поднимался красный Туркестан, который поддерживала новая Россия. Некоторые подданные эмира, непонятным образом прежде избежавшие декапитации, объявили своего правителя вампиром и вассалом белогвардейцев. Ко вратам Бухары вновь пришли русские.

Так закатилась власть тимуридов в Бухаре. «Вампир и вассал белогвардейцев» бесславно бежал, в сопровождении некоторых придворных, в Афганистан. Там он сразу устроил «белую русскую Бухару». Сам эмир имел чин царского генерала⁴, и вокруг него собрались также бывшие царские офицеры, «белые» бухарцы и искатели приключений всех мастей. «Белая Бухара» стала называться движением басмачей, но в целом ничем не отличалась от других «белых» на Дону, Кубани и в Сибири. Полководцем басмачей стал некий Энвер-паша⁵, в прошлом турецкий офицер. Ему удалось выковать из своих подчиненных реальную военную силу, но и она не смогла сделать большего, чем другие «белые» воины.

Большевики разбили Энвер-пашу и его басмачей, и десять лет тому назад сто тысяч туркестанских аборигенов покинули родные песчаные пустыни ради пустынь Афганистана, не менее пустынных. Беглый народ собрался вокруг беглого эмира.

Резиденцией тимурида стал Херат, старинный город на севере Афганистана, где старые мечети и обшарпанные дворцы свидетельствуют о великом прошлом. Любезный Аманулла-хан дал убежище коллеге-эмигранту, положив ему годичную ренту, которую, впрочем, отпускала британская казна. Таким образом было обеспечено материальное благополучие наследника Тамерлана.

Образовать бухарский двор с полагающимися удовольствиями взялись подданные эмира, также эмигранты.

В южных бухарских краях обитают кочевники, привыкшие повиноваться своему государю. Когда в пустынях распространилось известие о победе «красных», они ушли в Афганистан, но не для того, чтобы стать подданными афганского государя. Они хотели продолжать службу своему эмиру, что в Афганистане не вызвало никакого удивления: здесь, на территории одного государства, издавна существовало множество государств.

В Херате, среди диких степей, теперь раскинут великолепный шатер эмира. У шатра разбит огромный лагерь, где поселились придворные эмира, бухарская знать, хищные соседи, ставшие принцами, и другие «белоэмигранты». Тон задает, кроме эмира, хивинский хан, получивший титул «великого героя» и командование эмигрантской армией. Хан постоянно совершает набеги на бухарских коммуни-

стов, нещадно их режет, крадет деньги, овец и девушек. По возвращении в лагерь трофеи справедливо делят между эмигрантами.

Советы платят басмачам той же монетой: весь бухарский край теперь разорен. Бухарская «белая» война, возвещают в Херате, закончится лишь с водружением золотого трона эмира там, где он стоял, – в азиатской половине его бухарского дворца.

Война с Советами – всего лишь часть деятельности эмира. Он деятельно ведет переговоры со всеми державами Востока, шлет свои посольства персидскому шаху и афганскому королю, обсуждает меры по обороне своего будущего царства, обещает горы золота, конспирирует заодно со всеми князьями Туркестана, выброшенными, как и он, из родного места⁶.

Конспирация уже достигла дипломатического успеха: бывший хан хивинцев и бывший князь узбеков отдали свои бывшие земли бывшему эмиру – за пожизненную ренту. Если Советы уйдут из этих его новых «владений», то те станут по размерам не меньше всей Европы.

После «аннексии» новых земель эмир выпустил прокламацию: «Наше Величество, сын великого Сеид Бахадура, Божией милостью господин всех земель от Иссык-Куля до Балхаша, объявляем, во имя радости наших верных подданных и страха наших врагов, о войне. Подлые враги, захватившие наши земли, должны быть разбиты. Мы приказали нашим храбрым полководцам – хану Хивинскому и Ибрагим Беку, князю узбекскому, повести наше войско на разгром врагов и на освобождение наших земель. Мы вновь будем там править, по заветам наших отцов, ради блага наших народов. Мы же, в городе Херат, в нашей временной резиденции, смиренно просим Аллаха о помощи нашему правому делу».

Однако эмир понимал, что судьба его земель зависит не только от прошений к Аллаху и от побед его «храбрых полководцев», и обратил свои взоры в сторону Европы.

Надежды, как будто, его не обманули. В русле своей европейской политики он выпустил особую прокламацию, где разъяснил, что все неверные делятся на две группы.

Первая – это та, что поддерживает его требования, вторая – что их отвергает. К первой группе подданные эмира должны были питать любовь, вторую – ненавидеть. Кроме того, эмир лелеял мечту устроить в Европе процесс против Советов, обвинив их в краже сокровищ и в убийстве князей. Его сокровища, действительно, стоили много, а жизнь князей была и вовсе бесценной, и эмир рассчитывал хорошо проучить советское правительство.

Прошли года, но он не выиграл ни войну, ни процесс. Отчаявшийся эмир пустился на трюк, не вполне соотносимый с его благородным происхождением: он задумал непосредственно снестись с Советами. Его верный министр иностранных дел был послан с соответствующей тайной миссией в Кабул.

Министр надлежащим тайным образом встретился с советскими послами в Кабуле и передал им щедрые предложения эмира: он был готов заключить мир с Советами и приказать своим подданным вернуться в бухарские края. В компенсацию он просил у коммунистов четверть или хотя бы осьмушку прежнего царства. На этой территории он обещал сохранять лишь видимость монархического прав-

ления и слушаться приказов Москвы, уж больно он соскучился по родине и по венцу. В любом случае он хотел получать из Москвы годовую ренту. Кабульские послы, отправив депешу в Кремль, получили твердый ответ: «никаких договоренностей с бывшим бухарским вампиром».

Узнав это, верный министр эмира спросил: «Значит, московское правительство не желает знать моего господина?». Получив положительный ответ, министр заявил, что готов отравить своего господина – если Советы пообещают вернуть ему добро, ведь и его тоже замучила тоска по родине.

Послы послали новую депешу в Москву. Ответ гласил, что советское правительство не возражает, если министр отравит своего эмира, но добро ему не вернет.

Эмир остался жить. Однако Советы решили обратить особое внимание на Херат и послали туда своих агентов-провокаторов. В Херате пышным цветом расцвели поджоги, отравления и удушения. Таким образом достигалась главная цель – возрождение «старых добрых» традиций эмирского двора и ликвидация его ненужной ностальгии по золотому трону в Бухаре.

Отношения между «красной» Бухарой и «белой» стали оживленными. Иногда советские чиновники в Бухаре вдруг крадут советскую казну и бегут к эмиру, объявляя о своей ностальгии по монархии. Иногда придворные эмира в Херате бегут к Советам, объявляя о своей ностальгии по родине.

Тем самым эмигрантская жизнь полна разного рода увлекательных событий. То басмачи привезут в лагерь новых юных рабынь, то кого-нибудь отравят, то басмач сбежит к Советам и его публично заклемят, то коммунист сбежит к басмачам и его публично прославят. Придворная жизнь обретает вновь свои корни, а белоэмигрантская молодежь воспитывается в лучших восточных традициях.

У стен Херата, в золоченом шатре, на шелковых подушках восседает, скрестив ноги по-турецки, Его Величество эмир, господин Бухары и всех земель от Иссык-Куля до Балхаша. Он пьет кумыс из фарфоровой пиалы и вспоминает мраморный цветок лотоса – самаркандский Гур-Эмир. За порогом шатра воют афганские пески, засыпающие всякую мечту последнего тимурида о визите к малахитовой гробнице великого пращура.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В действительности – нефрита.

² Рядом с могилой Амира Темура расположены могилы двух его сыновей – Шахруха и Миран-шаха. Жизнь обоих была достаточно бурной.

³ Еще одно преувеличение. У бухарского эмира не было золотого трона.

⁴ Эмир имел чин генерала-адъютанта.

⁵ *Исмаил Энвер* (Энвер-паша, Энвер-бей) (1881–

1922) – военный министр Османской Империи во время Первой мировой войны; один из руководителей басмаческого движения.

⁶ О дипломатической деятельности эмира в эмиграции см.: Абдуллаев К. О политических взглядах бухарской эмиристской эмиграции в Афганистане // Вестник Российско-Таджикского (славянского) университета. 2015. № 2 (49).